

нравственный потенциал исследует автор. Историческая направленность событий и гуманистическая позиция автора позволили ему сделать на этом чувстве особый акцент. Игорь Дедков, говоря о неизбежности переключек мотивов, настроений, образов, верно заметил: «Здесь нам так ясно и просто говорят: пожалейте этого лейтенанта, пожалейте, оплачьте» [1, т. 1, с. 11].

Когда уходят такие люди, как Володя Третьяков, только начинающие жить, полные добра, жажды деятельности, напряженной мысли, надежд, ясной становится цена победы. Человечность нового мира в произведении проявляется и в образах героев, и в самой атмосфере повествования, и в авторском понимании противоестественного, трагического состояния войны для человека. Столь сильно звучащий гуманистический пафос, который в повести выражается в защите ценности человеческой личности, в поэтизации жизни как героического деяния, в скорби о погибших, определен глубоким осознанием писателя значения для нашего общества памяти о войне и тех, кто завоевал победу.

1. Бакланов Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1983—1985. 2. Боcharов А. Человек и война. М., 1978. 3. Винокуров Е. Лик // 60 лет советской поэзии: В 4 т. М., 1977. 4. Дедков И. О судьбе и чести поколения // Г. Бакланов. Собр. соч.: В 4 т. М., 1983—1985. 5. Лазарев Л. Это наша судьба. М., 1983. 6. Оружием слова. М., 1978. 7. Субботин В. В другой стране // Новый мир. 1986. № 1.

Статья поступила в редколлегию 15.06.87

Н. Г. Колошук, учитель русского языка и литературы, Волинская обл.

Особенности повествования и выражение авторской позиции в романе М. Алексева «Драчуны»

70—80-е годы в советской литературе отмечены огромным интересом к социально-философским проблемам, глобальному осмыслению исторического народного бытия и одновременно пристальным вниманием к отдельной человеческой личности. При этом одна из главных особенностей современной прозы — явное усиление личностного, субъективного, автобиографического начал, откровенное выражение позиции художника через субъективно-повествовательные формы.

Очевидно, с этой тенденцией тесно связано появление в так называемой деревенской прозе на рубеже 70—80-х годов ярких произведений автобиографического и лирико-публицистического жанра. Одно из них — роман М. Алексева «Драчуны», опубликованный в 1981 г.

Критика отозвалась о романе как о произведении значительном не только в творчестве М. Алексева, но и во всей со-

ветской литературе последних лет*. Отмечая его тесную связь с предыдущими автобиографическими произведениями самого автора и других писателей — от Л. Толстого и М. Горького до «Последнего поклона» В. Астафьева, — а также с произведениями деревенской прозы, посвященными эпохе коллективизации, исследователи подчеркивали новое в изображении М. Алексеевым народного характера и народной жизни, в авторском видении мира, в соединении эпического и лирического начал. Однако специально вопрос о выражении авторской позиции через особенности традиционного автобиографического повествования в этом произведении не ставился. Именно такой аспект кажется нам интересным, потому что повествование от первого лица, совмещающее точку зрения автобиографического героя и автора-повествователя, в «Драчунах» своеобразно.

Автор непосредственно входит в текст, является единственным повествователем, сохраняя при этом в определенной степени черты мировосприятия автобиографического героя, образ которого занимает, как обычно, центральное место, а сюжетно-композиционное построение подчинено изображению его формирующейся личности. Вместе с тем автор стремится к синтетическому видению и осмыслению мира в его исторической и социальной сложности, и собственная биография отодвигается им на второй план, отступает перед множеством событий и судеб. Повествовательная структура усложняется, соединяя эпическое и очерковое начала: ярко, пластично выписанные картины сменяются очерковыми зарисовками, переживания маленького автобиографического героя — лирико-публицистическими монологами автора-повествователя.

Автор выступает в качестве субъекта социально-нравственной оценки изображаемого, не скрывая своего присутствия и своих симпатий и антипатий, своей привязанности к прошлому. Но он «ничего не преувеличивает, не мудрит задним числом», по выражению М. Лобанова, а «пишет так, как было, сохраняя свое отношение к прошлому, как к некой детской святыне» [2, с. 157]. М. Лобанов даже склонен считать, что роман написан ради «обжигающей» правды о голодном 33-м годе, как правдивое свидетельство очевидца. Но и все, что предшествует 1933 г., не является просто предисловием к нему. Для автора это священная память о прошлом, без которого не бывает настоящего, потому так долго, так подробно знакомит он читателя с мельчайшими деталями деревенского детства и всего деревенского бытия, с многочисленными персонажами — ими являются чуть ли не все жители родного села Монастырского.

* См.: Ганичев В. Люди земли // Октябрь. 1981. № 11; Лобанов М. Освобождение (О романе М. Алексеева «Драчуны») // Волга. 1982. № 10; Борзунов С. Михаил Алексеев. Встречи. Книги. Размышления. М., 1983; Кузнецкий В. С. Творчість Михайла Алексеева. К., 1983; Овчаренко А. Восьмидесятые годы (Статья первая) // Наш современник. 1984. № 10; Молдавский Д. Утверждение эпоса // Молодая гвардия. 1985. № 8; Ткаченко А. Творческий принцип // Лит. Россия. 1985. 19 июля.

Для чего нужно это изображение многочисленных персонажей: близких и дальних родственников главного героя, его друзей-одногодков, соседей и знакомых, просто односельчан? Один из современных критиков считает, что и так в деревенской прозе «все, что можно было вспомнить, вспомнили. Меняются только названия деревень и имена родственников» *.

Читая роман М. Алексеева, с этим нельзя согласиться. Воссозданные в нем характеры поражают узнаваемостью в жизни и вместе с тем непохожестью на каких-либо литературных предшественников. Они первородны как сама жизнь во всех неповторимых подробностях, и одновременно воспринимаются как ярко типичные. Среди них дедушка Михаил, отец и мать героя, дед Ничей и Яков Соловей... В сюжете некоторые из них занимают немного места, но автор увлекается подробностями в изображении каждого героя, будто стремится выхватить из бездны забвения, оживить образ давно ушедшего из жизни, но дорогого, неповторимого человека. Потому даже эпизодически упоминаемые персонажи названы им по имени, отчеству и фамилии, да еще при всяком удобном случае автор повествователь приостанавливает рассказ о фабульных событиях и подробно объясняет, откуда и какое у человека уличное прозвище, какие у него родовые связи в селе, чем он известен среди односельчан, чем не похож на других...

Эпическое повествование тем самым часто близится к очерку, как бы продолжающему галерею портретов односельчан в «Хлебе — имени существительном». Объективное изображение служит объяснению и подкреплению прямой авторской характеристики, всегда доброжелательной, хотя и неоднозначной. Вот, скажем, характеристика отца: пьяница и острослов, мастер на все руки и безответственный лодырь, бросающий начатое дело на полпути, хозяин в доме и «хабалин», измучивший мать и покинувший детей... В отношении маленького героя к отцу чувствуется и детское желание гордиться «папанькой», и горькая обида на него, а в отношении автора — трезвое понимание и прощение недостатков и слабостей близкого человека.

М. Алексеев рассказывает о трудном детстве. Но в авторском голосе нет негодования и гнева даже тогда, когда он говорит о былых горьких обидах маленького героя. Лишь то грустно-насмешливая, то лукаво-добродушная усмешка чувствуется в нем — через подтекст, через стилистические особенности. К примеру, автор подводит итог огорчениям героя, рассказав, как развалился на части в руках Мишки пугач, только что купленный на ярмарке за «цельный полтинник»: «В который уж раз в одном только нынешнем году так обидно и безнадежно рушились мои планы!» [1, с. 155]. А так хотелось похвастаться этим пугачом перед бывшим другом Ванькой Жуковым, чтобы тот «умер от зависти!» Еще горше Мишке

* Шайтанов И. Реакция на перемены // Вопр. лит. 1981. № 5. С. 59.

оттого, что отец, занятый в эти минуты своими невеселыми раздумьями, утешает невпопад: — «Нет, сынок, этого не склеишь, — сказал отец и нахмурился, утопив пальцы в лохмах моей головы. Помолчав, проговорил еще тише: — Не склеишь...» [1, с. 155].

Ошибки героев служат поводом для серьезных авторских размышлений о добре и зле, так сложно переплетающихся и в общественной, и в личной жизни людей. Вот, например, оказались рядом такие разноначальные события одного вечера, как «ледовое побоище» монастырских мальчишек и первое колхозное собрание, на котором произошло столкновение Николая Михайловича (отца Мишки) с Григорием Жуковым. Никто и подумать не мог о «пускаяй отдаленной, но прямой родственной связи двух этих несчастных историй, о том, что просили они из одного недоброго зерна, что у них один источник, о котором, однако, все давно забыли» [1, с. 176]. Источник этот — непонимание, зависть, мелочное себялюбие, злоба, считает автор.

Само название романа аллегорически обозначает и двух главных героев-мальчишек, и неполадивших рдичей (дядя Петруха говорит над могилой Григория Жукова: «А мы, дураки, ссорились-бранились... Эх, драчуны, драчуны!» [1, с. 287]). В это слово вместе с мягким упреком вкладывается и еще более широкий смысл: размышляя о будущем своих маленьких героев, автор видит мысленно «поколение за поколением все новых и новых драчунов, для которых судьба не удосужилась приготовить легких путей-дорог» [1, с. 207]. Он снисходителен к ошибкам и промахам своих героев-«драчунов» именно потому, что все время помнит о «путях-дорогах», ждущих их впереди.

Поэтому в людях он стремится показать лучшую их сторону, умея видеть за внешней обычностью (а часто и странностью, и неприглядностью) внутреннюю доброту, широту натуры, бескорыстие, простодушную открытость или веселое лукавство.

Самое же главное для него в людях — совестливость, милосердие, трудолюбие (очевидно, это то общее, что объединяет М. Алексеева с В. Астафьевым, Ф. Абрамовым, В. Беловым и другими такими разными представителями деревенской прозы). С беспредельной теплотой вспоминает он маму, деда Михаила, дядю Петруху — бескорыстных, чистых сердцем, вечных тружеников.

Если в «Последнем поклоне» В. Астафьева остро ощутимо авторское непримиримое отношение к подлости, несправедливости, низости, равнодушию к чужой беде в людях, когда-то встреченных на жизненном пути его автобиографическим героем, то в художественном мире М. Алексеева, мире изображенного им детства, таким сторонам человеческой натуры почти нет места, хотя мир этот далек от идиллии.

В. Астафьев в «Последнем поклоне» перевоплощается в мальчика, подростка, которому судьба приготовила недетские

испытания, настолько жестокие и страшные, что спокойно, «объективно» их вспоминать невозможно. Они — живая детская боль.

У М. Алексеева также свежи в памяти картины былого, но он видит их глазами взрослого, которому больше вспоминается светлое, доброе, чистое, чем тяжелое и горькое. Даже такое невеселое обстоятельство, как отсутствие у деревенской детворы того времени настоящей одежды и обуви, кажется теперь пожилому человеку по-своему трогательным: до чего крепка и надежна была единственная на всю весну, лето и осень «холщовая справа», сшитая маминими руками!

Главная цель, которую ставит перед собой автор, пытается разобраться в сложностях истории родного села, — воздать им, землякам, дань благодарной памяти: «Признаться, и теперь я еще пытаюсь уразуметь происхождение этого голода..., — размышляет он о самом трагическом эпизоде в жизни села. — Тридцать третий год остался и останется в памяти моей самой ужасной отметиной. И как ни тяжело и ни горько вспоминать о нем, я все-таки обязан сделать это перед своими земляками...» [1, с. 264].

Лишь отдельные персонажи романа не заслуживают признательности и доброго, внимания автора-повествователя. Например, некий Воронин, названный «злым гением села». Он сменил на посту председателя сельсовета Михаила Спиридоновича Сорокина, который, по мнению какого-то уполномоченного, «проявил «непростительную мягкотелость» во время организации колхоза. Списки раскулачиваемых Сорокин составлял так, чтобы «все по совести, по справедливости». Воронину же этот принцип ни к чему. Он «горячо и ревностно» доводит процент «ликвидированных» до нужного районному начальству уровня. С него начинаются «вихревые события», которые понесут их «к роковой черте» — вынудят оставить родные места, искать с помощью «справки», тайно выданной Мишкиным отцом (он был секретарем сельсовета), новое пристанище в жизни.

Но автор не концентрирует читательское внимание на «перегибах» в политике местных властей во время коллективизации. Его интересует не столько политическая и социальная сторона этого процесса, неоднократно исследовавшегося нашей литературой, сколько нравственная и психологическая его сущность.

В романе нет острого социального конфликта в его привычном для литературы виде: нет непримиримой борьбы классовых врагов и идейных противников — того, что знакомо читателю по «Поднятой целине» М. Шолохова, «Судьбе» П. Проскурина, «На Иртыше» С. Залыгина, «Канунам» В. Белова и т. д. Очевидно, не потому, что этого не было в с. Монастырском, и не из-за желания автора сгладить классовые противоречия. О них автор не раз напоминает читателю. Например, показывает, как восприняли монастырские школьники «Поднятую це-

лину»: «...это писатель с нас, с нашего села все списал» [1, с. 256].

Однако сам М. Алексеев выбирает другой, более близкий путь изображения тех же событий: показать происшедшее так, как оно запечатлелось в собственной памяти. Отсюда особенности отбора материала. Ссора с лучшим другом детства ребенку запомнилась, конечно, во всех подробностях, а вот перипетии сложной борьбы за колхоз вряд ли были понятны до конца. Потому сцена ребячьего «ледового побоища» оказывается в повествовании автора не менее важной, чем изображение первого колхозного собрания, на котором Мишка не был и помнить которое не может (но автор воссоздает его так же детально, передоверяя психологическую «точку зрения» одному из участников собрания — отцу героя).

Детские впечатления далеки от «взрослых» представлений о мире, но зато лишены свойственных многим взрослым предубеждений. Это дает автору возможность показать происшедшее с непривычной, неожиданной для читателя стороны. Мишка вряд ли различал классовых врагов среди приходивших по ночам к отцу мужиков, слезно просивших: «Выручай, Николай Михалыч! Поморозю детишек в той Сибири, как слепых кутят. Спроворь, ради Христа, какую-то бумагу...» [1, с. 184]. Мишкины сверстники-пионеры с энтузиазмом агитировали закоренелых единоличников в колхоз, но вряд ли они могли увидеть в них врагов Советской власти. Многие из них, как, например, Яков Соловей, не подали заявления в колхоз из-за понятного страха подчиниться чужой злой воле, грубому нажиму.

Яков даже под бременем тягчайших налогов «не сдался, не положил перед Ворониным вымогаемую бумагу, то есть заявление в колхоз». Бессмысленность упорства Якова была видна даже мальчишкам-агитаторам: они не упускали случая подразнить Якова, погоняющего буренку, которую он запрягал в телегу вместо лошади. Почему же Яков Соловей симпатичен автору при всей своей несуразности, нелюдимого упряма, «жуткого матерщинника и скандалиста», почему его судьба прослеживается подробно до последнего его часа, а Воронин оказывается неинтересным автору, образ его не разработан ни психологически, ни сюжетно и напоминает фельетонного персонажа?

В этом тоже выявляются характерные особенности писательского мастерства М. Алексеева и важнейшие стороны его авторской позиции. В изображении Воронина — неприятие демагогической нетерпимости, тупого и агрессивного бюрократизма, глухоты к чужим бедам и горестям, заносчивого чванства всевластием. Вероятно, это неприятие было бы убедительнее, если бы писатель не ограничился короткими эпизодами и отсылками из уст других персонажей о Воронине. В них Воронин даже не назван по имени — зло у писателя чаще обобщенно, плакатно; конкретно же добро.

В изображении Якова Соловья проявилось внимание к человеческой индивидуальности, уважение к достоинству, упорству, жизнестойкости человека в труднейших обстоятельствах. В подтексте повествования о Якове настойчиво звучит авторский призыв: не спешите судить человека, постарайтесь понять мотивы его поступков; непонимание, заблуждение могут привести к горьким ошибкам и тяжелым утратам. Сколько мятарств стоило человеку его собственное упрямство и непонимание других!

К мотиву вражды снова и снова возвращают нас авторские «отступления», придавая истории драчунов философский обобщающий смысл. Этот мотив является главным в сюжете, завязанном вокруг незначительного события — драки неразлучных прежде друзей Мишки и Ваньки — и вспыхнувшей из-за них ссоры взрослых. В первой части романа главной движущей силой является простая фабула: Мишка, оставшийся без друга, одну за другой переживает утраты привычных радостей деревенского детства и все новые и новые неприятности из-за ссоры. Но подробно описывая поведение главных «драчунов» и всех примкнувших к ним, автор все больше увлекается описанием самой обстановки действия, условий быта, обстоятельств и предысторий, охватывая всю жизнь села. Неторопливое течение повествования охватывает события осени 1929 — весны 1935 г., но часто автор вспоминает эпизоды давнишние, сохранившиеся не столько в собственной памяти, сколько в сельских преданиях, своеобразные предыстории героев, которые составляют как бы продолжение экспозиции романа, расширяя представления читателей о многочисленных героях и их обычной жизни, углубляя повествование в 20-е годы. Таковы истории Микария Земскова и пана Камышова, деда Ничея, Федота Ефремова и др. Чаще всего это необычные, эксцентрические случаи, запомнившиеся селу и составившие репутацию того или иного человека.

М. Алексеев любит подчеркнуть у своих земляков необычность, чудачество, за которым видит неповторимость человеческой личности. Убеждение в ценности единичной, неповторимой человеческой жизни, в сущности, один из главных гуманистических принципов, утверждаемых нашей литературой, — присуще ему в полной мере. Оно определило некоторые примечательные особенности формы автобиографического романа М. Алексеева: населенность многочисленными персонажами, преобладание очеркового повествования над эпическим в первой части, высокий настрой авторских отступлений, повороты сюжета. Судьбы земляков уводят автора к бурным событиям 30-го года, к горькому 1933, в послевоенное время. Он осмысливает их с высоты сегодняшнего дня, с грустью и восхищением, печально и уважительно думая о грозных и тяжких испытаниях, выпавших на долю земляков, о великой силе их жизнестойкости и терпения, о спасительности и милосердии к близким.

Раскрывая психологию героев, автор не стремится выдержать принцип повествования «от первого лица»: герои действуют, думают, переживают вне авторского восприятия (или восприятия автобиографического героя). Автор показывает их собственный внутренний мир чаще всего через несобственно-прямую речь, в которой нередко, как и в диалогах, пользуется колоритным просторечием и диалектным говором. В авторской речи диалектизмы очень редки, но просторечие употребляется широко. Тем самым он одновременно близок своим героям и отделен от них: автор давно уже человек большого мира и нового времени, в котором всеобщая грамотность стирает диалектные различия. Просторечия в повествовании во многих случаях соседствуют с архаично-книжными оборотами («трава... с осокой и мокричником, зело несъедобными для скотины»), и такое соединение создает эффект иронического отстранения автора от героя и иронической оценки всего события.

Синтаксису авторского повествования свойственна своеобразная велеречивость, цветистость. Сложные, распространенные многочисленными придаточными и обособленными оборотами предложения соответствуют уплотненно-детализированному, насыщенному подробностями повествованию, неторопливому и обстоятельному. Так находит свое отражение в синтаксисе сложная ассоциативность воспоминаний.

В целом авторское повествование в автобиографическом романе М. Алексева выражает ясную и объективную оценку народной жизни как через создаваемые характеры, так и через композиционное построение, стилистические особенности. Очерково-лирическая манера, совмещающая разные по тональности пласты — лирико-патетические, юмористические, драматические, — всегда отличается у М. Алексева искренностью, доверительностью к читателю, заботливым воссозданием жизни людей во всей ее реалистической подлинности, теплотой авторского к ней отношения. В сознании читателя формируется образ автора — нашего современника, который пронес через нелегкую жизнь нетленными самые дорогие святыни: любовь к родной земле и ее людям, уважение к труду и подвигу, преклонение перед добром и правдой.

1. *Алексеев М.* Драчуны. М., 1982. 2. *Лобанов М.* Освобождение. О романе М. Алексева «Драчуны» // Волга. 1982. № 10. 3. *Овчаренко А.* Восьмидесятые годы. Статья первая // Наш современник. 1984. № 10.

Статья поступила в редколлегию 17.09.84